

Пути создания образа героя

Дискуссия о положительном герое, развернувшаяся на страницах газет и журналов, говорит о большом интересе к этому вопросу. Этот интерес закономерен: вопрос о показе положительного героя — центральный вопрос социалистического реализма.

Однако некоторыми авторами этот вопрос разрешается не на основе жизни, а на основе умозрительных догм и репетиторов. Наметилось даже два типа подобных «репетиторов» — одни ратуют за идеального героя без недостатков, другие — за героя, «сдобренного», для достоверности и интереса, недостатками.

Остановимся на каждом из этих рецептов.

1. Поборником первого является А. Протопопова. Опытный педагог, она горячо ратует за яркий положительный, воспитывающий образ. И это можно только приветствовать. Однако быть опытным педагогом — отнюдь не значит быть опытным теоретиком литературы, и там, где автор начинает поучать писателей теории создания такого образа, он только вредит тому делу, за которое ратует.

В статье, опубликованной в «Литературной газете», А. Протопопова в поучении писателям призывает чеховский рассказ о том, как мальчик курил, и после того, как папа придумал для него назидательную сказочку на эту тему, бросил курить. Дальше А. Протопопова предлагает писателям проектировать назидательный положительный образ, исходя из «обязательных качеств», и в виде своеобразного «эталона» таких качеств советует взять... Устав партии.

Но Устав партии — это не детская книжка, которую надо иллюстрировать, а документ, воинствующий в себе идеи коммунизма, основанные на глубочайшем проникновении в существа жизни. И чтобы служить этим идеям, писатель обязан не заниматься иллюстрациями, а прежде всего работать на основе столь же глубокого проникновения и изучения жизни.

Если бы человечество состояло из детей дошкольного возраста, работа писателей, возможно, была бы значительно легче. К сожалению, человечество не состоит из дошкольников, к назидательным сказкам отнесется довольно спокойно и очень быстро отдаляет правду от выдумки.

Проектировка положительного героя из суммы заданных качеств, как это предполагает А. Протопопова, как раз легче всего. И, в величайшем сокращении, А. Протопопова не является первооткрывателем этого пути. Задолго до нее множество «писателей», не способных к подлинному творчеству, открыли этот путь и, следуя ему, «создали» большое количество схематических и художественных положительных образов, в которых на месте все указанные качества и которые, однако, никому не нужны.

Можно было ругать книгу за слабость, за многие недостатки, за недостаточную оструту отдельных мест и глав. Но взять, как некий образ лакировку, книгу, основной замысел и содержание которой — это показ трудного, «конфликтного», но стремительного роста колхоза с приходом хорошего руководителя, — это значит игнорировать то, что повседневно происходит в нашей действительности.

В нашей действительности существуют люди высокого партийного боевого духа, глубоко, точно продумывающие свое решение, — и мы имеем право писать о них.

Герои очерков В. Овчинки не «принравляются» для достоверности никакими доводами недостатков, не снабжены для интереса ониками, однако насколько они достоверны, интересны, героям последних работ В. Народовой, И. Эренбурга, созданные из смеси плохого и хорошего! И это вполне естественно: реалистизм образа зависит не от доказательства плохого и хорошего, но от глубокого постижения автором жизни и душин спиритов героя.

3. Авторы многих рассказов, повестей, романов делают своих героев по типичным «репетиторам». Однако книги с «типовыми» доказывками умудряют, скажем родиться.

С другой стороны, появляются в литературе такие книги, которые написаны на перекор репетиторам и канонам, и они берут читателя за сердце, и героям их шагают со страниц книг в самую гущу жизни! Давыдов, Павка Корчагин, Мересьев, молодогвардейцы, герой «Педагогической поэмы», Мартынов из очерков Овчинки — все они герои различных масштабов и характеров, выписанные с разным уровнем мастерства, на разных материалах, но всех их объединяет общее качество — они живут в народе, они участвуют в жизни страны. И есть ли выше критерий для таланта, для авторского успеха?

Что же придает одно общее свойство — свойство жизнеспособности — героям, перечисленным выше и столь различным по способам изображения и характерам?

Для того, чтобы ответить на этот вопрос, надо прежде всего ясно видеть и определить цель литературы. Литература есть часть общепартийного дела — так определил Ленин.

Общее для всех образов, приведенных выше, — это их насыщенность партийным боевым духом, духом жизни — страстное служение партии. Именно это качество и делает их дорогими народу и превращает их в своеобразных вожаков. Это герой, зовущий, помогающий движению вперед.

Маркс говорил о коммунизме, как о «присвоении человеческой сущности человеком и для человека», об освобождении от социализма всех человеческих чувств и свойств.

Литература должна рассматривать построение коммунизма прежде всего не с точки зрения экономики или техники, но именно точек зрения этого присвоения человеческой сущности человеком для человека, для общества, для государства и для партии.

Вторая статья А. Протопоповой (первой я считаю ту, что опубликована в «Комсомольской правде») вызывает особо резкое возражение потому, что в ней автор старается воспресить похороненную, общую нашей радости, теорию бесконфликтности, одетую для приличия в благородную маску «борьбы за идеального героя». Эта теория также требовала от писателя не изучения и воплощения живой жизни с ее борьбой и трудностями, а «проектировки» произведений согласно заранее заданным приятным схемам. Очень характерно, что, приводя в статье назидательную сказочку из чеховского рассказа, говоря о «проектировании героя», измеряя его ценность суммой необходимых качеств, автор ни слова не говорит о жизненной правде, о нашей советской действительности, как о наивысшем критерии для литературы.

В этом сказывается не только зеверное отношение к литературной проблеме, но, по существу, равнодушие к жизни. В нашей жизни столько германского и великого, что надо звать не к придумыванию назидательных сказок, не к «проектированию» жизни и ее героях по сумме заданных качеств, а к самому пристальному изучению этой жизни, к постижению и раскрытию ее сущности.

2. Другая ошибка в трактовке про-

блемы положительного героя выразается, как мне кажется, во взгляде, который будто бы противоположен утверждению А. Протопоповой, а в действительности основан на том же неверии в жизнь, на том же догматизме.

Есть авторы, предписывающие положительному герою для его достоверности какую-то дозу недостатков и ошибок и говорящие о лакировке действительности там, где не имеется этой дозы, где налицо хорошие концы и светлые краски.

Эти авторы относятся к породе концепционистов, которых после разгрома теории бесконфликтности «переформатуризовали» — одни ратуют за идеального героя без недостатков, другие — за героя, «сдобренного», для достоверности и интереса, недостатками.

Остановимся на каждом из этих рецептов.

1. Поборником первого является А. Протопопова. Опытный педагог, она горячо ратует за яркий положительный, воспитывающий образ. И это можно только приветствовать. Однако быть опытным педагогом — отнюдь не значит быть опытным теоретиком литературы, и там, где автор начинает поучать писателей теории создания такого образа, он только вредит тому делу, за которое ратует.

В статье, опубликованной в «Литературной газете», А. Протопопова в поучении писателям призывает чеховский рассказ о том, как мальчик курил, и после того, как папа придумал для него назидательную сказочку на эту тему, бросил курить. Дальше А. Протопопова предлагает писателям проектировать назидательный положительный образ, исходя из «обязательных качеств», и в виде своеобразного «эталона» таких качеств советует взять... Устав партии.

2. Писателями, которые настолько

захотели изучить

3. Авторы многих рассказов, повестей, романов делают своих героев по типичным «репетиторам». Однако книги с «типовыми» доказывками умудряют, скажем родиться.

С другой стороны, появляются в литературе такие книги, которые написаны на перекор репетиторам и канонам, и они берут читателя за сердце, и героям их шагают со страниц книг в самую гущу жизни! Давыдов, Павка Корчагин, Мересьев, молодогвардейцы, герой «Педагогической поэмы», Мартынов из очерков Овчинки — все они герои различных масштабов и характеров, выписанные с разным уровнем мастерства, на разных материалах, но всех их объединяет общее качество — они живут в народе, они участвуют в жизни страны. И есть ли выше критерий для таланта, для авторского успеха?

Что же придает одно общее свойство — свойство жизнеспособности — героям, перечисленным выше и столь различным по способам изображения и характерам?

Для того, чтобы ответить на этот вопрос, надо прежде всего ясно видеть и определить цель литературы. Литература есть

часть общепартийного дела — так определил Ленин.

Однако для этого же они потенции?

Сердца людей «потенцили», говорят автор. Но отчего же они потенции? Где же и кто создает эту атмосферу вокруг героя?

Идеи, которые настолько

захотели изучить

4. В чем же все-таки трудность со знанием положительного образа?

Может быть, писателям трудно изучить

5. Устав партии, попытаться понять со знанием положительного образа?

Однако подобные книги, не захватывающие читателя, по замыслу являются ему не интересными, не привлекающими.

6. Устав партии, попытаться понять со знанием положительного образа?

Однако подобные книги, не захватывающие читателя, по замыслу являются ему не интересными, не привлекающими.

7. Устав партии, попытаться понять со знанием положительного образа?

Однако подобные книги, не захватывающие читателя, по замыслу являются ему не интересными, не привлекающими.

8. Устав партии, попытаться понять со знанием положительного образа?

Однако подобные книги, не захватывающие читателя, по замыслу являются ему не интересными, не привлекающими.

9. Устав партии, попытаться понять со знанием положительного образа?

Однако подобные книги, не захватывающие читателя, по замыслу являются ему не интересными, не привлекающими.

10. Устав партии, попытаться понять со знанием положительного образа?

Однако подобные книги, не захватывающие читателя, по замыслу являются ему не интересными, не привлекающими.

11. Устав партии, попытаться понять со знанием положительного образа?

Однако подобные книги, не захватывающие читателя, по замыслу являются ему не интересными, не привлекающими.

12. Устав партии, попытаться понять со знанием положительного образа?

Однако подобные книги, не захватывающие читателя, по замыслу являются ему не интересными, не привлекающими.

13. Устав партии, попытаться понять со знанием положительного образа?

Однако подобные книги, не захватывающие читателя, по замыслу являются ему не интересными, не привлекающими.

14. Устав партии, попытаться понять со знанием положительного образа?

Однако подобные книги, не захватывающие читателя, по замыслу являются ему не интересными, не привлекающими.

15. Устав партии, попытаться понять со знанием положительного образа?

Однако подобные книги, не захватывающие читателя, по замыслу являются ему не интересными, не привлекающими.

16. Устав партии, попытаться понять со знанием положительного образа?

Однако подобные книги, не захватывающие читателя, по замыслу являются ему не интересными, не привлекающими.

17. Устав партии, попытаться понять со знанием положительного образа?

Однако подобные книги, не захватывающие читателя, по замыслу являются ему не интересными, не привлекающими.

18. Устав партии, попытаться понять со знанием положительного образа?

Однако подобные книги, не захватывающие читателя, по замыслу являются ему не интересными, не привлекающими.

19. Устав партии, попытаться понять со знанием положительного образа?

Однако подобные книги, не захватывающие читателя, по замыслу являются ему не интересными, не привлекающими.

20. Устав партии, попытаться понять со знанием положительного образа?

Однако подобные книги, не захватывающие читателя, по замыслу являются ему не интересными, не привлекающими.

21. Устав партии, попытаться понять со знанием положительного образа?

Однако подобные книги, не захватывающие читателя, по замыслу являются ему не интересными, не привлекающими.

22. Устав партии, попытаться понять со знанием положительного образа?

Однако подобные книги, не захватывающие читателя, по замыслу являются ему не интересными, не привлекающими.

23. Устав партии, попытаться понять со знанием положительного образа?

Однако подобные книги, не захватывающие читателя, по замыслу являются ему не интересными, не привлекающими.

24. Устав партии, попытаться понять со знанием положительного образа?

Однако подобные книги, не захватывающие читателя, по замыслу являются ему не интересными, не привлекающими.

25. Устав партии, попытаться понять со знанием положительного образа?

Однако подобные книги, не захватывающие читателя, по замыслу являются ему не интересными, не привлекающими.

26. Устав партии, попытаться понять со знанием положительного образа?

Однако подобные книги, не захватывающие читателя, по замыслу являются ему не интересными, не привлекающими.

27. Устав партии, попытаться понять со знанием положительного образа?

Однако подобные книги, не захватывающие читателя, по замыслу являются ему не интересными, не привлекающими.

28. Устав партии, попытаться понять со знанием положительного образа?

Однако подобные книги, не захватывающие читателя, по замыслу являются ему не интересными, не привлекающими.

29. Устав партии, попытаться понять со знанием положительного образа?

Однако подобные книги, не захватывающие читателя, по замыслу являются ему не интересными, не привлекающими.

30. Устав партии, попытаться понять со знанием положительного образа?

Однако подобные книги, не захватывающие читателя, по замыслу являются ему не интересными, не привлекающими.

31. Устав партии, попытаться понять со знанием положительного образа?

Мой скромный проект умиротворения взбудораженного общества

ПАМФЛЕТ

Так как в настоящее время у нас в стране обвинения в государственной измене стали весьма распространенным явлением, а надежного способа окончательно убедиться в верности каждого гражданина своей отчизне до сих пор еще не имеется,

так как притом в папки для изобличения являются многочисленные факты явной измены, а также другие формы предательских действий общественного и частного характера даже среди лиц, занимающих самое высокое положение,

я хочу предложить свой Проект Умиротворения, который имеет целью успокоить взывавшееся общественное мнение и укрепить среди граждан нашей страны взаимное доверие.

Учитывая, какой тяжкий ущерб, и материальный и моральный, наносит стране эта широко распространявшаяся среди граждан эпидемия подозрительности, я вновь нижеследующее предложение:

Мой проект

1. Каждый гражданин Соединенных Штатов в день, когда ему минет восемнадцать (18) лет, а затем через каждые два года с этого дня и до конца жизни обязан являться в участок Особой Полиции, ближайший к месту его жительства. Если день явки приходится на воскресенье или установленные законами национальный праздник, явка переносится на следующий, будний день.

Обязанности начальника Особой Полиции

Начальник полиции, к которому явился данный гражданин США, должен немедленно подвергнуть его Национальному Аресту или Национальному Лицензию Свободы, — так будет официально именоваться эта мера, состоящая в обычной нормальной изоляции граждан в тюрьме или других федеральных местах заключения, которые имеются в данном районе.

Обязанности заключенного

1. Арестованного гражданина следует без промедления поставить в известность, что он имеет право всеми установленными в нашей стране путями обеспечить себе всевозможные документы, копии, удостоверения, отрывы, записи на пластинах, показания живых свидетелей и другие средства, которые ему потребуются для того, чтобы доказать свою абсолютную, постоянную и стойкую прелестность отчизне, ее правительству, армии и флоту, Конгрессу, а также уважение к истории, структуре и целям всей нашей государственной системы.

2. После того, как заключенный обеспечил себе все необходимые документы или свидетелей, или то и другое, он должен представить перед судьей специально учрежденного Бюро Проверки граждан США.

Функции судей Особого Бюро Проверки

1. Судья должен выслушать всех свидетелей занятий и добросовестно рассмотреть их показания, а также весь предоставленный материал.

2. Судья, если найдет это нужным, обращается в Федеральное бюро расследований за подтверждением или опровержением тех или иных сведений, представленных гражданином в доказательство своей лояльности.

3. Если представленные доказательства будут признаны шаткими, неверными, несущественными или неубедительными, то суд сообщает об этом обвиняемому, и тот имеет право требовать пересмотра дела, но, вперед до нового решения, он, согласно постановлению судьи за подписью и печатью, зачисляется одну из трех категорий, описанных ниже под названием «Категория М. И. Р.», «Категория А. И. Р.» и «Категория Н.».

Классификация граждан

М. И. Р. — сокращенное обозначение категории граждан, признанных «Мысленными Изменниками Родине».

В категории М. И. Р., то есть «Мысленными Изменниками Родине», входят:

а) все граждане, в остальном не вызывающие насторожения или неопреждения за подтверждением или опровержением тех или иных сведений, представленных гражданином в доказательство своей лояльности.

б) Организации или отдельные лица, пользующиеся услугами гражданина, указанной категории за плату или другое вознаграждение, или без всякой компенсации, впервые обращаются в Федеральное Бюро Проверки за разрешением на это.

в) Просто отказаться в работе гражданину, зарегистрированному как М.И.Р., или принести его за это было бы нарушением нового закона. Но работодатель, получивший официальное разрешение держать у себя на службе Мысленного Изменника, обязан напечатать на всех исходящих бумагах своего предприятия, на всех квитанциях, проспектах, объявлениях слова «Держим на службе Мысленного Изменника Родине» или только начальными буквами Д.С.М.И.Р.

1. Мысленные Изменники после того, как Бюро Проверки их классифицирует, должны быть немедленно освобождены. Им гарантируются все права и привилегии американских граждан, указанные в Конституции США.

2. Лица, не зарегистрированные как Активные Изменники Родине, должны быть немедленно освобождены из мест заключения, но с предупреждением, что каждый может быть снова вызван на проверку.

3. Если представляемые доказательства будут признаны шаткими, неверными, несущественными или неубедительными, то суд сообщает об этом обвиняемому, и тот имеет право требовать пересмотра дела, но, вперед до нового решения, он, согласно постановлению судьи за подписью и печатью, зачисляется одну из трех категорий, описанных ниже под названием «Категория М. И. Р.», «Категория А. И. Р.» и «Категория Н.».

4. Все те, кто сам не высказывал и не воспринимал высказанных другими мыслей и чувств, вредящих делу Обороны Государства от врагов, но, с другой стороны, не проявлял энергичного, явного и громогласного гневного протеста против таких мыслей и чувств, устно и письменно высказывавшихся другими.

5. Все те, кто сам не высказывал и не воспринимал высказанных другими мыслей и чувств, вредящих делу Обороны Государства от врагов, но, с другой стороны, не проявлял энергичного, явного и громогласного гневного протеста против таких мыслей и чувств, устно и письменно высказывавшихся другими.

6. Каждый, кто, по имеющимся у ФБР сведениям, позволял себе выражать ведущие мысли, или намеки, или развернутые сообщения, или чувства, вредящие делу Обороны Государства от врагов. Отсутствие участия разговорах, общих и частных, посещали лекции, а также частные и публичные собрания, которые хотя и не являются противозаконными, но, с другой стороны, не вполне способствуют успехам народной нации от ее врагов.

7. Каждый, кто, по имеющимся у ФБР сведениям, позволял себе выражать ведущие мысли, или намеки, или развернутые сообщения, или чувства, вредящие делу Обороны Государства от врагов. Отсутствие участия разговорах, общих и частных, посещали лекции, а также частные и публичные собрания, которые хотя и не являются противозаконными, но, с другой стороны, не вполне способствуют успехам народной нации от ее врагов.

8. Каждый, кто, по имеющимся у ФБР сведениям, позволял себе выражать ведущие мысли, или намеки, или развернутые сообщения, или чувства, вредящие делу Обороны Государства от врагов, но, с другой стороны, не проявлял энергичного, явного и громогласного гневного протеста против таких мыслей и чувств, устно и письменно высказывавшихся другими.

9. Каждый, кто, по имеющимся у ФБР сведениям, позволял себе выражать ведущие мысли, или намеки, или развернутые сообщения, или чувства, вредящие делу Обороны Государства от врагов, но, с другой стороны, не проявлял энергичного, явного и громогласного гневного протеста против таких мыслей и чувств, устно и письменно высказывавшихся другими.

10. Каждый, кто, по имеющимся у ФБР сведениям, позволял себе выражать ведущие мысли, или намеки, или развернутые сообщения, или чувства, вредящие делу Обороны Государства от врагов, но, с другой стороны, не проявлял энергичного, явного и громогласного гневного протеста против таких мыслей и чувств, устно и письменно высказывавшихся другими.

11. Каждый, кто, по имеющимся у ФБР сведениям, позволял себе выражать ведущие мысли, или намеки, или развернутые сообщения, или чувства, вредящие делу Обороны Государства от врагов, но, с другой стороны, не проявлял энергичного, явного и громогласного гневного протеста против таких мыслей и чувств, устно и письменно высказывавшихся другими.

12. Каждый, кто, по имеющимся у ФБР сведениям, позволял себе выражать ведущие мысли, или намеки, или развернутые сообщения, или чувства, вредящие делу Обороны Государства от врагов, но, с другой стороны, не проявлял энергичного, явного и громогласного гневного протеста против таких мыслей и чувств, устно и письменно высказывавшихся другими.

13. Каждый, кто, по имеющимся у ФБР сведениям, позволял себе выражать ведущие мысли, или намеки, или развернутые сообщения, или чувства, вредящие делу Обороны Государства от врагов, но, с другой стороны, не проявлял энергичного, явного и громогласного гневного протеста против таких мыслей и чувств, устно и письменно высказывавшихся другими.

14. Каждый, кто, по имеющимся у ФБР сведениям, позволял себе выражать ведущие мысли, или намеки, или развернутые сообщения, или чувства, вредящие делу Обороны Государства от врагов, но, с другой стороны, не проявлял энергичного, явного и громогласного гневного протеста против таких мыслей и чувств, устно и письменно высказывавшихся другими.

15. Каждый, кто, по имеющимся у ФБР сведениям, позволял себе выражать ведущие мысли, или намеки, или развернутые сообщения, или чувства, вредящие делу Обороны Государства от врагов, но, с другой стороны, не проявлял энергичного, явного и громогласного гневного протеста против таких мыслей и чувств, устно и письменно высказывавшихся другими.

16. Каждый, кто, по имеющимся у ФБР сведениям, позволял себе выражать ведущие мысли, или намеки, или развернутые сообщения, или чувства, вредящие делу Обороны Государства от врагов, но, с другой стороны, не проявлял энергичного, явного и громогласного гневного протеста против таких мыслей и чувств, устно и письменно высказывавшихся другими.

17. Каждый, кто, по имеющимся у ФБР сведениям, позволял себе выражать ведущие мысли, или намеки, или развернутые сообщения, или чувства, вредящие делу Обороны Государства от врагов, но, с другой стороны, не проявлял энергичного, явного и громогласного гневного протеста против таких мыслей и чувств, устно и письменно высказывавшихся другими.

18. Каждый, кто, по имеющимся у ФБР сведениям, позволял себе выражать ведущие мысли, или намеки, или развернутые сообщения, или чувства, вредящие делу Обороны Государства от врагов, но, с другой стороны, не проявлял энергичного, явного и громогласного гневного протеста против таких мыслей и чувств, устно и письменно высказывавшихся другими.

19. Каждый, кто, по имеющимся у ФБР сведениям, позволял себе выражать ведущие мысли, или намеки, или развернутые сообщения, или чувства, вредящие делу Обороны Государства от врагов, но, с другой стороны, не проявлял энергичного, явного и громогласного гневного протеста против таких мыслей и чувств, устно и письменно высказывавшихся другими.

20. Каждый, кто, по имеющимся у ФБР сведениям, позволял себе выражать ведущие мысли, или намеки, или развернутые сообщения, или чувства, вредящие делу Обороны Государства от врагов, но, с другой стороны, не проявлял энергичного, явного и громогласного гневного протеста против таких мыслей и чувств, устно и письменно высказывавшихся другими.

21. Каждый, кто, по имеющимся у ФБР сведениям, позволял себе выражать ведущие мысли, или намеки, или развернутые сообщения, или чувства, вредящие делу Обороны Государства от врагов, но, с другой стороны, не проявлял энергичного, явного и громогласного гневного протеста против таких мыслей и чувств, устно и письменно высказывавшихся другими.

22. Каждый, кто, по имеющимся у ФБР сведениям, позволял себе выражать ведущие мысли, или намеки, или развернутые сообщения, или чувства, вредящие делу Обороны Государства от врагов, но, с другой стороны, не проявлял энергичного, явного и громогласного гневного протеста против таких мыслей и чувств, устно и письменно высказывавшихся другими.

23. Каждый, кто, по имеющимся у ФБР сведениям, позволял себе выражать ведущие мысли, или намеки, или развернутые сообщения, или чувства, вредящие делу Обороны Государства от врагов, но, с другой стороны, не проявлял энергичного, явного и громогласного гневного протеста против таких мыслей и чувств, устно и письменно высказывавшихся другими.

24. Каждый, кто, по имеющимся у ФБР сведениям, позволял себе выражать ведущие мысли, или намеки, или развернутые сообщения, или чувства, вредящие делу Обороны Государства от врагов, но, с другой стороны, не проявлял энергичного, явного и громогласного гневного протеста против таких мыслей и чувств, устно и письменно высказывавшихся другими.

25. Каждый, кто, по имеющимся у ФБР сведениям, позволял себе выражать ведущие мысли, или намеки, или развернутые сообщения, или чувства, вредящие делу Обороны Государства от врагов, но, с другой стороны, не проявлял энергичного, явного и громогласного гневного протеста против таких мыслей и чувств, устно и письменно высказывавшихся другими.

26. Каждый, кто, по имеющимся у ФБР сведениям, позволял себе выражать ведущие мысли, или намеки, или развернутые сообщения, или чувства, вредящие делу Обороны Государства от врагов, но, с другой стороны, не проявлял энергичного, явного и громогласного гневного протеста против таких мыслей и чувств, устно и письменно высказывавшихся другими.

27. Каждый, кто, по имеющимся у ФБР сведениям, позволял себе выражать ведущие мысли, или намеки, или развернутые сообщения, или чувства, вредящие делу Обороны Государства от врагов, но, с другой стороны, не проявлял энергичного, явного и громогласного гневного протеста против таких мыслей и чувств, устно и письменно высказывавшихся другими.

28. Каждый, кто, по имеющимся у ФБР сведениям, позволял себе выражать ведущие мысли, или намеки, или развернутые сообщения, или чувства, вредящие делу Обороны Государства от врагов, но, с другой стороны, не проявлял энергичного, явного и громогласного гневного протеста против таких мыслей и чувств, устно и письменно высказывавшихся другими.

29. Каждый, кто, по имеющимся у ФБР сведениям, позволял себе выражать ведущие мысли, или намеки, или развернутые сообщения, или чувства, вредящие делу Обороны Государства от врагов, но, с другой стороны, не проявлял энергичного, явного и громогласного гневного протеста против таких мыслей и чувств, устно и письменно высказывавшихся другими.

30. Каждый, кто, по имеющимся у ФБР сведениям, позволял себе выражать ведущие мысли, или намеки, или развернутые сообщения, или чувства, вредящие делу Обороны Государства от врагов, но, с другой стороны, не проявлял энергичного, явного и громогласного гневного протеста против таких мыслей и чувств, устно и письменно высказывавшихся другими.

31. Каждый, кто, по имеющимся у ФБР сведениям, позволял себе выражать ведущие мысли, или намеки, или развернутые сообщения, или чувства, вредящие делу Обороны Государства от врагов, но, с другой стороны, не проявлял энергичного, явного и громогласного гневного протеста против таких мыслей и чувств, устно и письменно высказывавшихся другими.

32. Каждый, кто, по имеющимся у ФБР сведениям, позволял себе выражать ведущие мысли, или намеки, или развернутые сообщения, или чувства, вредящие делу Обороны Государства от врагов, но, с другой стороны, не проявлял энергичного, явного и громогласного гневного протеста против таких мыслей и чувств, устно и письменно высказывавшихся другими.

33. Каждый, кто, по имеющимся у ФБР сведениям, позволял себе выражать ведущие мысли, или намеки, или развернутые сообщения, или чувства, вредящие делу Обороны Государства от врагов, но, с другой стороны, не проявлял энергичного, явного и громогласного гневного протеста против таких мыслей и чувств, устно и письменно высказывавшихся другими.

34. Каждый, кто, по имеющимся у ФБР сведениям, позволял себе выражать ведущие мысли, или намеки, или развернутые сообщения, или чувства, вредящие делу Обороны Государства от врагов, но, с другой стороны, не проявлял энергичного, явного и громогласного гневного протеста против таких мыслей и чувств, устно и письменно высказывавшихся другими.

35. Каждый, кто, по имеющимся у ФБР сведениям, позволял себе выражать ведущие мысли, или намеки, или развернутые сообщения, или чувства, вредящие делу Обороны Государства от врагов, но, с другой стороны, не проявлял энергичного, явного и громогласного гневного протеста против таких мыслей и чувств, устно и письменно высказывавшихся другими.

36. Каждый, кто, по имеющимся у ФБР сведениям, позволял себе выражать ведущие мысли, или намеки, или развернутые сообщения, или чувства, вредящие делу Обороны Государства от врагов, но, с другой стороны, не проявлял энергичного, явного и громогласного гневного протеста против таких мыслей и чувств, устно и письменно высказывавшихся другими.

37. Каждый, кто, по имеющимся у ФБР сведениям, позволял себе выражать ведущие мысли, или намеки, или развернутые сообщения, или чувства, вредящие делу Обороны Государства от врагов, но, с другой стороны, не проявлял энергичного, явного и громогласного гневного протеста против таких мыслей и чувств, устно и письменно высказывавшихся другими.

38. Каждый, кто, по имеющим